

Мифологические аспекты просветительской деятельности «учёной дружины»

Marina Savelieva (Марина Савельева)

CENTRUM EDUKACJI HUMANISTYCZNEJ
NARODOWEJ AKADEMII NAUK UKRAINY
W KIJOWIE
ORCID: 0000-0001-9522-0644

ABSTRACT

Mythological Aspects of «Studiosa Cohors» Enlightenment Activities

The focus of the article is an analysis of the educational activities of the intellectual community «Studiosa Cohors» in the first half of the 18th century. It is shown that the main mission of F. Prokopovich, V. Tatishchev, A. Kantemir was the enlightenment of the Russian people by preserving the ideological heritage of Peter the Great as a continuation of the myth of the monarch serving the Fatherland. In this regard, the article explores the concepts of «cohors», «duty», «honor» and their mythological background. It is shown that the content of the worldview problems of Russian enlighteners determined the original form of presentation of their reflections. They did not always use the genre of a systematic treatise to express their ideas, stayed in the space of interdisciplinary intersections of various research trajectories and did not consider pursuing philosophy to be their profession. In this way that they represented the practical orientation of enlightenment thinking and confirmed their devotion to the ideas of Peter's reforms. For the full implementation of enlightenment, there must be a space for public discussion of the main worldview ideas. This not only teaches citizens

to freely express their own thoughts, but also removes the contradiction between public freedom of thinking and individual restraint of actions. In Russia of Peter the Great age, the active civic position of building a new state was an expression of public freedom of thinking.

KEYWORDS: Enlightenment, «Studiosa Cohors», duty, honor, benefit, Fatherland, myth

SŁOWA KLUCZOWE: oświata, «Studiosa Cohors», służba, honor, korzyść, ojczyzna, mit

Внеуниверситетский характер начального этапа просвещения в России

Обращаясь к известному высказыванию И. Канта о том, что просвещение это «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине», мы прежде всего сосредоточиваемся на этической интерпретации этой идеи. Мы отмечаем осознанную необходимость формирования личной *ответственности* за свои и даже чужие мысли и поступки, но при этом оставляем в стороне анализ условий и целей её формирования. Нам кажется, что достаточно осознавать «неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого»¹, чтобы освободить свои действия и мысли от чьей-то сторонней зависимости и перейти к зрелому отношению к жизни. Однако суждение немецкого философа содержит в себе ускользающий от внимания важный нюанс: говоря об обязательном *публичном* характере просвещения, Кант, тем самым, косвенно заявлял о самоограниченности традиционного университетского образования в своих общественных функциях². Университеты не давали этических знаний как специальных, моральную сторону жизненного опыта необходимо было формировать самому, для

¹ Здесь и далее перевод с немецкого Ц.Г. Арзаканьяна (I. Kant, *Beantwortung der Frage. Was ist Aufklärung?* 1784, 5 [в:] *Kant's Gesammelte Schriften*, т. 8: *Abhandlungen nach 1781*, Berlin–Leipzig 1923, с. 35).

² Этому посвящена значительная часть работы «Спор факультетов» (Здесь и далее перевод с немецкого Ц.Г. Арзаканьяна) (см. *Der Streit der Fakultäten 1798* [в:] *Kant's Gesammelte Schriften*, т. 7: *Der Streit der Fakultäten. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht*, Berlin 1917, с. 1–76).

3 I. Kant, *Beantwortung der Frage. Was ist Aufklärung?* 1784, 35 [в:] *Kant's Gesammelte Schriften*, т. 8, с. 36.

чего, полагал Кант, необходимо создавать широкое публичное пространство применения результатов университетского образования в обсуждениях. Эта «свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом»³ и есть, по мнению Канта, критерий практической направленности полученных знаний. А значит, критерий просвещённости личности. Только учась правильно оперировать имеющимися знаниями – знать меру их ограничения и распространения, – человек возвысит *индивидуальную* образованность до *всеобщего* уровня. Тем самым, будет действовать согласно императиву, то есть просвещённо.

Таким образом, Кант, фактически, перевернул существовавшие до тех пор представления о сущности человеческой свободы как возможности индивидуально противостоять государственному принуждению и общественному давлению. Философ полагал, что возможность *свободно высказываться на публике* и действовать в соответствии с высказанным с необходимостью будут *сдерживать индивидуальные* порывы использовать разум как инструмент протеста; таким образом будут разрешаться общественные конфликты и сохраняться равновесие общественных отношений. И это лишь на первый взгляд кажется чересчур утопичным, поскольку в этом случае не будет тех, против кого можно было бы протестовать; публичное пространство должно быть пространством мыслительной свободы, а индивидуальные суждения закономерно станут его органичной частью. В этом смысле, самоограничение частного использования разума видится логичным и потому естественным.

Кант довольно хорошо представлял, какое место просвещённые люди должны занимать в обществе: поскольку это не представители науки, но обязательно люди с университетским образованием, то правительство может назначать их на должности, чтобы использовать в реализации государственных целей.

Эти люди обладают знанием должностных уставов, и, по мнению Канта, их можно поэтому называть *деловыми людьми* (Geschäftsleute) или практиками науки, *эрудитами* (Werkkundige der Gelehrsamkeit):

4 I. Kant, *Der Streit der Fakultäten* 1798, 25 [в:] *Kant's Gesammelte Schriften*, т. 7: *Der Streit der Fakultäten. Antropologie in pragmatischer Hinsicht*, Berlin 1917, с. 18.

Поскольку они, как орудия правительства (духовенство, служители правосудия, врачи), имеют опирающееся на закон влияние на публику и составляют особый класс образованных людей, которые не свободны применять свою учёность на службе по своему разумению, а должны в этом быть под надзором факультетов... ..Они должны в своей области обладать хотя и не законодательной властью, но отчасти властью исполнительной, а правительство должно держать их в строгости, чтобы они не пренебрегали принадлежащей факультетам направляющей властью⁴.

В контексте рассуждений Канта становится также очевидным объективный, исторически необходимый характер проявления научных, философских, правовых, этических, эстетических дискурсов за пределами академических институтов и появление мыслителей-теоретиков, духовная деятельность которых протекала вне университетских сообществ. Кант полагал, что в этом тоже проявляется эффективность университетского образования, которое формирует в культурном пространстве своеобразную и автономную среду, влияние которой могут испытывать все, кто способен на это:

Кроме ...*профессиональных* учёных могут быть также непрофессиональные учёные, не принадлежащие к *университету*; разрабатываемая лишь часть великой совокупности наук, они либо составляют те или иные свободные

корпорации (*академии* или *учёные общества*, как их называют), в лоне которых они трудятся, либо пребывают, так сказать, в естественном состоянии учёности и каждый из них сам, без публичных предписаний и правил, занимается развитием или распространением наук в качестве *любителя*⁵.

Этим же объясняется также стремительность и универсальность идеи просвещения, которая реализовывалась в различных странах вне зависимости от типа политического правления, места и роли религии в обществе и характера экономических отношений. В частности, внеуниверситетский и внеакадемический способ распространения научных, философских, правовых и эстетических знаний определял логику осуществления проекта просвещения в России в первой половине XVIII века.

Примечательно, что в большинстве стран Западной Европы идея просвещения стала распространяться уже после того как процесс государственного строительства в целом был завершён; к середине XVIII века феномен государства как политического принципа мироустройства не имел альтернативы и рассматривался как завершённый и гармоничный. И в этом смысле как воплощённое произведение искусства. Поэтому следующая общественная задача касалась совершенствования и воспитания индивидов как добропорядочных подданных и граждан – не как субъектов государственного строительства, заметим, а лишь «моментов», средств его функционирования. Противоречие здесь заключалось в том, что инициатива просвещения закономерным образом исходила от индивидов и сообществ, имеющих высокий уровень образованности, но не обладающих полнотой гражданских прав и привилегий и потому не могущих эту образованность применить в полной мере – от представителей крупной и средней

буржуазии. Таким образом, проект просвещения, несмотря на общую идею воспитания лояльности к властям, своей буржуазной сущностью сразу же оказался в оппозиции к верховной власти, ибо новые буржуа отстаивали принцип *индивидуалистической свободы мышления* как критерий *просвещённости* в отношении к миру и уже тем самым выставляли пределы монархическому деспотизму. Идея просвещённой монархии – одно из либеральных обоснований таких пределов.

В России же всё было иначе: на рубеже XVII–XVIII веков шёл не очень последовательный, но активный и разносторонний процесс пересоздания основ государственности с полным перераспределением функций и авторитетов общественных институтов в пользу монархической власти. И чтобы беспрепятственно осуществляться, проект просвещения должен был отвечать интересам государства и ускорять процесс усиления крепостничества. Поэтому он начался «сверху», по сути, став способом разрешения противоречия между лично воплощённым государством (монархом) и представителями старого родового боярства и дворянства. В этих условиях монарх фактически был единственным инициатором, регулятором и ответственным за процесс просвещения, рассматривая его как идеологический фактор укрепления верховной власти. Парадокс, но образование не представлялось угрозой монаршей воле, не отождествлялось со свободомыслием. Его особенно сильно контролировали, и уже не только со стороны церкви, но светских структур, и старались встроить в контекст государственной политики. Восприятие монархии как абсолютной и просвещённой должно быть осознанным, рациональным и ответственным, и одним из факторов формирования этого восприятия должно быть образование.

И, тем не менее, даже в этой довольно хаотичной ситуации процесс просвещения происходил

6 *Устав Воинский, 30 III 1716* (№ 3006) [в:] *Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года*, т. 5: 1713–1719, Санкт-Петербург 1830, гл. III, арт. 20, с. 325.

7 *Генеральный регламент или Устав Коллегий, 28 II 1720* (№ 3534) [в:] *Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года*, т. 6: 1720–1722, Санкт-Петербург 1830, гл. LIII, толк., с. 159.

объективно, отражая закономерности исторической логики. Парадоксальным образом просвещенческий принцип соотношения общей свободы и индивидуального самоконтроля нашёл отражение в государственных документах Петра Великого в законодательном оформлении монаршей власти. В публичном пространстве царь имел неограниченную власть во всём: «...Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣеть свои Государства и земли, яко Христіанскій Государь, по своей воли и благомѣнью управлять»⁶. Но в личных своих поступках монарх, как и любой подданный, был *ограничен* моральными соображениями, что специально оговаривалось: «Никакое воздаяніе такъ людей не приводитъ къ добру, как любленіе чести; равнымъ же образомъ никакая так казнь не страшить, какъ лишеніе оной»⁷.

Всё это объясняет не только слабость теоретической составляющей просвещения в России на раннем этапе становления, но и силу его, обусловленную ориентацией на распространение предметно-практических прикладных знаний. Поскольку царь являлся зачинщиком реформ, его духовные предпочтения, уровень и характер образования служили примером и ориентиром для ближайшего окружения. При этом не стоит забывать, что монарх в принципе не мог получить регулярного университетского образования, ибо с юных лет был втянут в процесс освоения управления государством. И потому многое здесь зависело от личных способностей правителя. К счастью, Пётр такими способностями обладал и побуждал подданных следовать его примеру: царь воспринимал общие тенденции развития европейской культуры как имеющие к нему непосредственное отношение и, соответственно, имел все основания сделать собственный практический опыт парадигмой для общего развития своего государства,

основу которого составляли бы те самые «искусные и благоразумные» граждане, универсально образованные государственные люди, о которых со временем будет говорить Кант⁸.

Фактически, Пётр сделал то, чего ни раньше, ни потом не делал ни один монарх: *реализовывая верховную власть не только как процесс управления и принуждения, но и как воспитания, он превратил собственное правление в форму самообучения, а вверенный ему народ и землю рассматривал как объект преобразования под воздействием распространения наук и ремёсел*. Будучи при этом искренне верующим, не осмеливался отождествить себя с демиургом, но всячески подчёркивал, что является смиренным *работником* – тем самым, ограничивал себя просвещённым образом в самооценках. Так он способствовал созданию нового мифа правителя, понимающего свой народ и единого с ним: «...По особенным ли потребностям своей гениальной природы или глубоко обдуманному плану соединяет с царским саном характер частного лица»⁹, будучи глубоко убеждённым, что правильно управлять народом, сформулировать цель и достичь её может только тот, кто не является сторонним наблюдателем, а деятельно участвует в преобразовании государства и Отечества и сам на своём опыте испытывает, как живёт его народ.

Сформировать такое отношение к себе и миру, обучаясь в университете, было невозможно по причине мифологичности такого отношения, когда происходит неосознанная подмена логических связей и государство рассматривается по аналогии с семьёй, подданные по аналогии с детьми, а государь по аналогии с подданным. Поэтому вопрос о создании университета в России долгое время не был актуален (в отличие от насущности проблемы создания Академии наук). По всей видимости, Пётр считал, что регулярное образование в России должно

8 См. В.Н. Татищев, *Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах* [в:] *idem, Собрание сочинений, тома VII и VIII. История Российская. Окончание. Работы разных лет*, т. 8, В.И. Буганов, С.Н. Валк, Н.Е. Носов, А.И. Юхм (ред.), Москва 1996, с. 78, 83.

9 Я.К. Грот, *Пётр Великий как просветитель России* [в:] *Труды Я.К. Грота*, т. 4: *Из русской истории. Исследования, очерки, критические заметки и материалы (1845–1890)*, Санкт-Петербург 1901, с. 88.

¹⁰ Речь Петра I, написанная им самим и произнесённая в соборе Пресвятыя Троицы в Петербурге после прочтения трактата о заключении мира со Швецией, 22 октября 1721 года [в:] Н.А. Воскресенский, Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники, т. 1: Акты о высших государственных установлениях, Москва–Ленинград 1945, с. 156. См. также: *Актъ поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийскаго и наименованія Великаго и Отца Отечества, 22 X 1721 (№ 3840)* [в:] Полное собрание законов Российской имперіи, с 1649 года, т. 6: 1720–1722, С.-Петербургъ 1830, гл. LIII, толк, с. 446. В этом коренилось одно из главных противоречий и ограниченности просветительского проекта Петра: его замыслы носили явно аристократический характер и были направлены на представителей высшего дворянства и боярства, от которых во многом зависел успех его реформ. При этом за пределами реформ оставалось многомиллионное количество крепостных и мелких хозяев, заставить которых полюбить физический труд и увидеть в нём источник блага было невозможно. Поэтому ничего удивительного, что в отношении к личности Петра-реформатора сформировались диаметрально противоположные оценки – от деспота до первого слуги государства.

отличаться от университетского образования в Европе, по крайней мере, в данное время, и пока что вполне достаточно, чтобы отдельные дворянские дети обучались в европейских университетах. В России же просвещённость следовало формировать в непосредственном преобразовании повседневной жизни, руководствуясь волей монарха и со знанием дела выполняя порученную им службу. И приучаться к мысли о том, что залогом *свободного, раскрепощённого и просвещённого отношения к миру является любовное (то есть бескорыстное) отношение к физическому труду*, о чём царь неоднократно повторял при каждом удобном случае: «Надлежит трудитца о ползѣ і прибыткѣ общем, которой Богъ нам пред очи кладет как внутрь, так і вѣнѣ, от чего облехчен будет народ»¹⁰. И уже на основании этого при содействии западноевропейских учёных и общественных деятелей вроде Лейбница создавать Академию наук, где ближайшие сподвижники государева дела получали бы комплексные практические знания под руководством ведущих учёных.

Идеологизация мифологических концептов «дружина», «служение» и «честь» в творчестве деятелей «Учёной дружины»

Деятельность членов интеллектуальной группы «Учёная дружина» была внеуниверситетской и внеакадемической и должна была как нельзя лучше отвечать сущности идеи создания нового просвещённого Российского государства. Тем не менее, в отечественной литературе до сих пор есть существенные разногласия по поводу статуса, общественных функций и её численного состава. Оценка места и роли «Учёной дружины» в государстве колеблется от крайне скептических (миф) до непомерно поощрительных (политическая и философская организация,

образовавшаяся непосредственно при поддержке Петра)¹¹.

Мнения исследователей в основном сходятся в том, что основу, идейный костяк группы составляли трое наиболее активных её участников, деятельность которых относилась к разным и взаимно дополняемым общественным сферам, за состояние которых они осознанно стремились брать на себя ответственность:

- Представитель высшего духовенства Феофан Прокопович как философ и духовный деятель, несомненно, играл ведущую роль,
- Историк Василий Татищев должен был обеспечить временное (читай: вечное) обоснование идеи абсолютной монархии и преемственности реформ и истории,
- Поэт Антиох Кантемир облакал идеи просвещения в привлекательную эстетическую форму ради лёгкости её усвоения и критического отношения к прошлому.

Однако внешняя гармоничность сочетания идей и взаимного дополнения их профессиональных наклонностей и функций мало что проясняет. Здесь, по-видимому, стоит обратить внимание на характерность названия сообщества. Словесный оборот, давший имя группе сподвижников Петра и продолжателей его Дела, встречается в произведениях Горация¹². Феофан Прокопович не только хорошо знал его творчество, но и использовал его риторический опыт в написании книги об ораторском искусстве, и даже переводил отдельные его произведения¹³. Он вполне мог свободно перефразировать словосочетание «*studiosa cohors*» более привычными русскому уху словами. И использовать как удачную поэтическую находку в панегирическом послании А. Кантемиру:

А ти как начал течи путь преславный,
Коим книжные текли исполины,

¹¹ См. подробный анализ и обзоры литературы: П.П. Епифанов, «Учёная дружина» и просветительство XVIII века, «Вопросы Истории», 38/3 (1963), с. 37–53; А.В. Чернышёва, Феномен «Учёной Дружины». Миф или реальность?, «Манускрипт», 10/12 (86) (2017), № 3, с. 209–211.

¹² *Quid studiosa cohors operum struit? hoc quoque curo. / Quis sibi res gestas Augusti scribere sumit? / bella quis et paces longum diffundit in aevum?* (Q. Horatius Flaccus, Epistles, I: III, 6–8). [Хочется знать, что за труд замышляет когорта учёных: / Кто же из вас описать все деяния Августа взялся? / Кто же векам передаст все войны его, перемирья?]. (Гораций Квинт Флакк, Послания, I, 3, пер. с лат. Н.С. Гинцбурга [в:] Гораций Квинт Флакк, Полное собрание сочинений, Москва 1936, с. 291).

¹³ См. С.И. Николаев, *К предыстории Горация в России* [в:] *Reflection on Russia in the Eighteenth Century*, J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje (ред.), Köln–Weimar–Wien 2001, с. 303–314.

14 Ф. Прокопович, *Феофан Архиепископ Новгородский автору сатиры* [в:] *idem Сочинения*, И.П. Ерёмин (ред.), Москва–Ленинград 1961, с. 217 (выделено мной – М.С.). Примечательно, что уже в 40-е годы, находясь во Франции, Кантемир сам перевёл «Послания» Горация, придав пресловутому выражению несколько иной смысл: В чемъ же упражняется ученая свита? / Да и то желаю знать, кто Августа дѣйства / Писать взялся? Кто войны, кто миры извѣстны / Учинивъ, позднѣйшій вѣкъ дивиться заставить? (А. Кантемир, *Переводы Гораций* [в:] *Сочинения, письма и избранные переводы Князя Антиоха Дмитриевича Кантемира*, т. 1: *Сатиры, мелкія стихотворения и переводы в стихахъ*, П.А. Ефремова (ред.), Санкт-Петербург 1867, с. 416).

И пером смѣлым мечи порок явний
На нелюбящих ученой дружини...¹⁴

Случайный риторический оборот лишь на первый взгляд кажется метафоричным, при ближайшем же рассмотрении высвечивает идейную подоплёку просветительской деятельности сторонников реформ покойного императора. Художественно-образная форма названия имеет вполне определённое содержание, подтверждающее, что Дружина была никак не философской и тем более не политической организацией. Члены её, конечно же, очень хорошо знали друг друга и были тесно связаны идейными и дружескими узами, но в их планы не входило формирование какого-либо общего знания, которое имело бы программный характер и отражалось в соответствующих документах. Это была именно «дружина», а не «кружок», «клуб», «союз», «общество» или «академия». Примечательно, что начало миссии «дружинников» пришлось на 1730-е годы – время, крайне смутное для политического и культурного наследия Петра. Принадлежность к сообществу была символическим признаком определённого отношения к петровским реформам и происходящему в стране после смерти императора. «Дружинничество» было знаком личного неколебимого (взрослого, ответственного и мужественного) состояния духа – *состояния личной преданности Делу Петрову*, независимого от мнения окружающих и господствующих политических веяний. «Дружинники» в буквальном смысле «несли службу», стояли на часах, охраняя и поддерживая дальнейшую судьбу замыслов покойного императора. Тем самым они занимались действительным *мифотворчеством*, поскольку основанием деятельности Петра был государственный миф всеобщего преображения России по воле монарха. И вот почему оценка их деятельности не находит рационального и объективного единодушия.

Члены «Учёной дружины» считали себя хранителями идейного наследия Петра и видели не только новаторский характер вклада императора в историю своего Отечества, но и стремились обосновать глубокую связь с традициями любого из предшествующих этапов становления истории Российской¹⁵. Термин «дружина» был как нельзя более уместен: он был понятен всем, независимо от уровня образования и готовности принять реформы, и в любом случае настраивал на серьёзность восприятия деятельности этого сообщества. Новый смысл старого термина не только демонстрировал дипломатическое искусство образованных политиков, но позволял увидеть объективную преемственность между уважаемой стариной и блистательной молодостью Российского имперского государства.

Обширные исследования дружинной культуры Древней Руси подтверждают, что учёные преемники старались как могли сохранить основную идею духовных пращуров: корневое слово «друг» в любом контексте указывает на побратимство, то есть душевную близость и сродство, а не на отчуждённый найм или службу¹⁶. Древнерусские дружинники – люди свободные, «клятвенно обязавшиеся верно служить своему вождю-господину на поле брани. Отношения дружинника к князю определяются свободной связью службы и верности»¹⁷. Иными словами, термин содержит оттенки *человечности*, как её понимали в те времена – в форме *опеки*, столь необходимой там, где речь идёт о защите государства и отстаивании общеполитических интересов. От простых солдат, обязанных лишь долгом службы, дружинников отличала особая, гораздо более осязаемая и предметно обозначенная связь со своим сувереном, состоявшая в принадлежности их к «дому» правителя – дому, понимаемому во всех смыслах: и как обители князя, и как вверенные ему землю и народ. Поэтому в разных списках «Повести

15 А попутно и с традициями западноевропейскими, в частности, норманскими, осязаемое влияние которых в своё время испытала докиевская Русь: эквивалентными дружине были североевропейские *Gefolgschaft*, *Follovers*, *Retainers*, *Suite*, представлявшие собой догосударственные объединения воинов вокруг военного предводителя, а позднее ближайшее военное окружение князя или короля (См. Л. Дрэгер, *Социально-экономические отношения и соционормативная культура*, А.И. Першиц, Д. Трайде (ред.), Москва 1986, с. 52; А.А. Хлевов, *Дружина Севера как исторический феномен [в:] Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты*, А. Мыльников (ред.), Санкт-Петербург 1999, с. 49–57).

16 См. В.В. Колесов, *Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека*, Санкт-Петербург 2000, с. 53.

17 Н.П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в России*, Москва 1988, с. 425.

¹⁸ См. *Повесть временных лет*, стб. 108 [в:] *Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною Историко-Археографическою Комиссиею Академии Наук СССР* (далее: ПСРЛ), т. 1: *Лаврентьевская летопись*, вып. 1: *Повесть временных лет*, вып. 2: *Суздальская летопись*, Вып. 3: *Приложения. Издание второе*, Ленинград 1926–1928, с. 76. Перевод по изданию: *Повесть временных лет*, Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева, под редакцией В.П. Адриановой-Перетц, издание второе, исправленное и дополненное, Санкт-Петербург 1996, с. 49.

временных лет» присутствуют совершенно различные, но сходящиеся вместе где-то в бесконечной смысловой перспективе понятия дружины – от бояр и иных приближённых служилых людей до всех, кто принёс публичную клятву верности своему князю¹⁸. Все они были вправе ожидать от своего патрона столь же щедрого попечительского отношения – и получали его. В особенности же княжеские милости дружинникам стали регулярными при Владимире Святославиче, что напрямую связывалось с принятием им христианской веры с её идеей милосердия и попечительства:

Си слышавъ, повеле всякому нищему и убогому приходи на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотъницъ кунами. Устрой же и се, рек яко «Немощнии и болнии не могут долести двора моего», повеле пристроити кола, и въскладше хлеба, мяса, рыбы, оwoць разноличный, медь въ бчелках, а въ другихъ квась, возити по городу, въпрашающимъ: «Кде болнии и нищъ, не могы ходити?». Темъ раздаваху на потребу. Се же паки творяше людемъ своимъ: по вся неделя устави на дворе въ гридьнице пиръ творити и приходи боляром, и гридем, и съцьскимъ, идесяцьским, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясь, от скота и от зверины, бяше по изобилью от всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «Зло есть нашимъ главамъ: да намъ ясти деревянными лъжицами, а не серебряными». Се слышавъ Володимеръ повеле исковати лжице серебряны ясти дружине, рек сице, яко «Сребромъ и златомъ не имамъ налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, якоже дедъ мой и отецъ мой доискася дружиною

злата и сребра». Бе бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленем, и о ратехъ, и о уставе земленем¹⁹.

«Просвещённые дружинники» подобно своим идейным пращурам считали себя связанными с правящим домом узами идейного и социального родства, поскольку непосредственно принимали участие в строительстве основ просвещённого государства и осознанно и с энтузиазмом разделяли с царём тяготы жизни. Иными словами, в отличие от древнерусских воинов, были «воинами Света разума»²⁰. Последний имел очень специфический для ментальности «молодой России» оттенок: критерием просвещённости жизненной позиции индивида провозглашалось безоговорочное повиновение абсолютному самодержавию, а основным признаком полноценной *гражданственности* являлось *государственное служение*. От численности понимания этого и готовности исполнять зависела степень *просвещённости* общества. Эта особенность отличала проявление идей Просвещения в Западной Европе и России, но находила неожиданные параллели с древнеримским кодексом чести личной охраны императора:

...Постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, – первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя²¹.

На этом основании формировался основной смысл существования «Учёной дружины»: Пётр Великий, можно сказать, пал на поле боя, не

¹⁹ *Повесть временных лет*, стб. 125–126 [в:] *Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною Историко-Археологическою Комиссиею Академии Наук СССР*, т. 1: *Лаврентьевская летопись*, вып. 1: *Повесть временных лет*, Ленинград 1926, с. 88. Перевод по изданию: *Повесть временных лет*, подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева, под редакцией В.П. Адриановой-Перетц, Издание второе, исправленное и дополненное, Санкт-Петербург 1996, с. 56.

²⁰ Любовь к свету, светлому, ясному, стремление мыслить и объяснять просто и доступно в противовес тёмному и путаному многократно подчёркивались Ф. Прокоповичем на страницах его произведений (См. Ф. Прокопович, *Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. Уставомъ державнѣйшаго Государя нашего Петра Великаго отца отечества Императора и Самодержца Всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая. Сего 1722 году, февраля в 11 день, публикованнымъ утверждена и всенародною присягою свидѣтельствована*, [Москва 1726], с. 7, 56, 59; *идет, Слово в День Рождества Господа нашего Иисуса Христа [в:] Феофана Прокоповича, Архієпископа Великаго Новаграда и великихъ Лукъ, Святѣйшаго Правительствующаго Синода Вицезидента, а потомъ первенствующаго Члена слова и рѣчи поучительныя, похвальныя и поздравительныя собранныя и нѣкоторыя вторымъ тисненіемъ, а другія вновь напечатанныя*, часть I, Въ Санктпетербургѣ При Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ 1760 года, с. 123).

²¹ Публий Корнелий Тацит, *О происхождении германцев и местоположении Германии*, 14, пер. с лат. А.С. Бобовича [в:] Тацит Публий Корнелий,

Сочинения в двух томах, т. 1: *Анналы. Малые произведения*, Санкт-Петербург 1993, с. 343.

²² В.Н. Татищев, *Духовная* [в:] *idem*, *Собрание сочинений, тома VII и VIII. История Российская. Окончание. Работы разных лет*, т. 8, В.И. Буганов, С.Н. Валк, Н.Е. Носов, А.И. Юхм (ред.), Москва 1996, с. 141.

²³ А. Кантемир, *Сатира V. Сатир и Перієргъ (На челоувчєскія злонавія ввообщє)*, 568–569 [в:] *Сочинения, письма и избранные переводы Князя Антиоха Дмитриевича Кантемира*, т. 1: *Сатиры, мелкія стихотворения и переводы в стихахъ*, П.А. Ефремова (ред.), Санкт-Петербург 1867, с. 121.

вынеся физических тягот в процессе государственного строительства; и поскольку его сподвижники как христиане не могли по своей воле последовать за ним, их миссия была до последнего вздоха отстаивать перед несогласными и продолжать Дело Петрово. Фактически, это была *апостольская миссия*, оправдывающая смысл их социального бытия. Татищев присягал в том в духовном завещании своему сыну:

Что же верности и ревности в службе государю и государству принадлежит, то весьма верно, ибо верно служащие как милости и награждения получают, так великим опасностям и горести подвержены, для того у всех плутов, хищников и прихотьюми преисполненных ненависть, оклеветание и гнев претерпевают. [...] И для того в том, невзирая на такие злостных нападки, мужественно и благоразумно верность храни и о пользе всей общей неусыпно прилежи, власть и честь государя до последней капли крови защищай²².

Татищеву вторил А. Кантемир:

И кто за отечество положить жизнь твердо:
Память его честна быть ввѣки заслужила...²³

Однако члены «Учёной дружины» оказались в весьма противоречивом положении: беззаветно чтя память Петра и служа его Делу, они тем самым невольно ставили под сомнение свою же верность законным преемникам его власти. Эту дилемму пытались разрешить по-разному. Так, В.Н. Татищев, оговаривал, что с кончиной монарха снимаются с живущих подданных функции, наложенные на них покойным правителем, но не потому, что они потеряли свою истинность, а потому что нет более

материальной связи между правителем и подданными. Не могут подданные осуществлять управление вне верховного контроля – это как войско без командующего:

Понеже мы избранному или наследством престол приявшему государю, ему токмо единому присягаем в верности и послушании обязываемся и ему власть законоиздания уступаем по его смерть, которая как его от власти, так подданных от присяги освобождает, и хотя он при себе для помосчи своей дает другим власть во управлении и при нем оные то я чести, власти и преимущества правильно достойны, однако ж оное все кончиною его кончится и власть оных пресекается, а остаются равны в обсченародии в их прежднем стане, и никто ни над каким ни малейшей власти не имеет, доколе последовавший государь оных паки утвердит или, отреша, иных определит²⁴.

Скорее всего, противоречие снималось тем, что преемники Петра рассматривались «дружинниками» как его безусловные сторонники – что было весьма далеко от истины.

Таким образом, концепт служения, отстаиваемый всеми членами Дружины, являлся *амбивалентным*, соединяя в своём содержании противоречия и автономные смыслы противоположных традиций. С одной стороны, в служении выражено благочестивое отношение к сфере божественного, заложенное православной идеей; с другой стороны, в нём отразилась необходимость превознесения личного долга в форме *светской службы*, культивированной Петром Первым с самого своего детства. Но если до правления Петра государева служба трактовалась отчуждённо и в одностороннем порядке – как долг холопов перед

24 В.Н. Татищев, *Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном* [в:] *idem, Собрание сочинений, тома VII и VIII. История Российская. Окончание. Работы разных лет*, т. 8, В.И. Буганов, С.Н. Валк, Н.Е. Носов, А.И. Юхм (ред.), Москва 1996, с. 147.

25 Ю.М. Лотман, *Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века* [в:] *Из истории русской культуры*, т. 4: XVIII – начало XIX века, А.Д. Кошелев (ред.), Москва 2000, с. 164.

26 *О Императорскомъ Титуль въ грамотахъ, указахъ, прошеніяхъ и приговорахъ*, 11 XI 1721 (№ 3850) [в:] *Полное собрание законовъ Россійской имперіи, с 1649 года*, т. 6: 1720–1722, С.-Петербургъ 1830, с. 454.

27 Е.Н. Марасинова, *К истории политического языка в России XVIII века*, «Отечественная История», 49/5 (2005), с. 6.

государем и отечеством, то с приходом к власти Петра концепт служения абсолютизируется до статуса закона, целью и смыслом которого было утверждение равенства всех в службе Богу и Отечеству, где царь был наравне со всеми. Эта ценностная реформа была обусловлена стремлением Петра *снять противоречие между всеобщей неизбежностью подчиняться власти и индивидуальным желанием трудиться на благо процветания Отечества*. Но поскольку это противоречие нерациональное, а скорее, из области диалектики мифа, снять его объективным образом было невозможно, можно было лишь проявить высочайшую царскую волю. Что и сделал Пётр: предметной сферой, где это противоречие *как бы* снималось всеобщим образом, был *опыт личного труда* как предельное выражение государственной службы. Последняя же «приобретала для Петра почти религиозное значение грандиозной, непрерывной литургии в храме Государства. Работа была его молитвой»²⁵.

В связи с этим становится понятной ещё одна аксиологическая реформа. В 1721 году специальным Указом Петра именование «холоп» было заменено на «Вашего Императорскаго Величества низайшій рабъ имярекъ»²⁶. Исследователи пришли к выводу о том, что

объединение населения страны наименованием «раб» в отношении верховного правителя означало терминологическую фиксацию роста самодержавной власти и увеличение дистанции между престолом и подданными... Общий для всех формуляр... способствовал дальнейшей унификации общества, в котором главным объединяющим символом был образ самодержца²⁷.

И с этим нельзя не согласиться. Но есть во всём этом ещё один ускользающий от внимания аспект

этического характера. «Холопство» означает индивидуальную свободу при социальной подчинённости вышестоящему. Бояре, дворяне и прочие служилые люди с достаточно высоким социальным статусом – всё равно холопы. Таким образом, это определение гражданской функции – обязанности служить. Но оно же несёт в себе некий уничижительный оттенок, указывая на *гражданскую пассивность* индивидов. Холопство своей принудительностью гасит личную инициативу и желание быть преданным, усиливая вместо этого бездумное подчинение. Поэтому смена обозначений означала смену отношений. Но при общей её понятности и обоснованности по-прежнему не до конца ясным остаётся выбор Петра в пользу самого неоднозначного и полиассоциативного термина «раб». Не вызывает сомнения то обстоятельство, что быстрый взаимный процесс секуляризации религии и сакрализации монаршей власти и личности самого Петра сближал по смыслу понятия «раб Божий» и «слуга государев»²⁸, вследствие чего определение «раб» не считалось уязвляющим человеческое достоинство²⁹. Но здесь можно отметить ещё одну особенность, указывающую на исключительность восприятия ситуации Петром. Если царь сам себя называет первым *работником* своего Отечества и службу ему выдвигает на первый план для всех без исключения – тогда все остальные соотечественники есть рабы как «слуги первого работника». Эта интерпретация вполне согласовывается со смыслом «дружинной морали»: монарх трудится для Отечества как для самого себя, ибо он и есть Отечество, а слуги / сподвижники / дружина живут в Отечестве как в доме своего товарища и господина и трудятся для своего монарха и во славу его. Также это согласуется с общепринятыми в то время смыслами в западноевропейских языках: с началом Нового времени слово «раб» не несло того абсолютного значения *расчеловечивания*, как в рабовладельческом мире,

²⁸ См. *ibidem*.

²⁹ И не имело никакого отношения к крепостным – их называли просто «душами», то есть по крайнему признаку принадлежности к человеческому роду.

³⁰ См. *Teutscher und Reussischer, Dictionarium. Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch*, Berlin 1984, с. 127, 302, 314 (Цит. по: Е.Н. Марасинова, *op.cit.*, с. 15).

³¹ О том, что в основании термина лежат авестийские, древнеиндийские и древнелатышские корни, означающие осознанность отношения. См. М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка, в 4 томах*, т. 4, пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, Москва 1987, с. 350; П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка, в 2-х томах*, т. 2, Москва 1999, с. 385–386.

и многими европейскими народами понималось как «служитель», «слуга», «прислужник»³⁰. А в контексте просвещенческой идеи в России «раб», действительно, воплощал принцип абстрактного представления о подданном с трудовой функцией.

На этом основании и в тесной связи с первыми двумя вводился и третий концепт – *честь государева и гражданская*.

Честь как таковую можно определить как соблюдение определённых знаково-условных (ритуальных) отношений, в которых выражаются *общественное признание, одобрение и поддержание осознанных индивидуальных качеств и их оценок (достоинства) личности*³¹. Некоторые разночтения в понимании её сущности связаны с особенностями исторического формирования. В Древней Греции термин *τιμή* первоначально определял стоимость, оценку и возмещение, оплату (месть), воздаяние, отдачу или возмещение долгов (вплоть до кары казнью). А поскольку «долг платежом красен», эти конкретные действия в конце концов трансформировались в абстрактное представление о чести, почёте, почитании, уважении, божественном достоинстве. В древнеримском мировоззрении термин *honor* уже почти утратил предметно-материальный оттенок, воплощая лишь положительный социальный резонанс на место и роль человека в обществе, который в смысловой ретроспективе имел сакральное основание, то есть освящался богами.

Примерно так же трактовали честь и в древнерусском мировоззрении, и этот смысл сохранялся почти неизменным до начала петровских реформ. В 1718 году Феофан Прокопович произнёс речь «Слово о власти и чести Царской», где наиболее последовательно изложил логику трансформации основных мировоззренческих и политических смыслов новой России. На первый взгляд речь шла о том, что честь монаршая состоит всецело в самовластии,

и абсолютная единоподержавная власть формирует абсолютную и безусловную честь как рабское почитание; по сути, этим и объяснялось слабо прикрытое отождествление царя с богом и Христом:

Приложимъ же еще ученію сему, аки вѣнецъ, имена и титулы, властемъ высокимъ приличныя; не суетныя же, ибо отъ самаго Бога данныя, которые лутче украшаютъ царей, нежели порфиры и діадимы, нежели вся велелѣпная внѣшняя утварь и слава ихъ, и купно показываютъ, яко власть толикая отъ самаго Бога есть. Кіа же тѣтлы? Кіа имена? Бози и Хрїсты нарицаются...³²

Однако Ф. Прокопович утверждал так, имея на то достаточные основания, и потому его слова были понятны общественному сознанию. Его искусство состояло в том, что он традиционными смыслами описывал нетрадиционные ситуации, вследствие чего эти смыслы показывали свою универсальность и оборачивались неизвестными сторонами без его субъективного вмешательства. Это облегчало восприятие нового. Если государь Пётр фактически отождествлялся с богом, то сверхъестественные характеристики тут не причём. Единственной характеристикой, которая могла служить тому основанием, было *всемогущество*, проявляющееся в *творящей* функции. *Так же как Господь сотворил мир сей из ничего и по Своей воле, так и царь Пётр «отродил» Россию державой сильною*, опираясь исключительно на свой ум, волю и силы: «...Того ради Бози наречены суть, яко Богу въ томъ подражающїи»³³. И не вослед, а вопреки происходящему. И так же как Господь трудился, устрояя мир сей наилучшим образом, царь Пётр трудился неустанно на пользу и прибыток Отечества своего, возводя Россию на двух опорах – «на гражданскомъ... и воинскомъ дѣлѣ»³⁴. И в этом

32 Ф. Прокопович, *Слово въ недѣлю цвѣтную о власти и чести царской, яко отъ самаго Бога въ міре учинена есть, и како почитати Царей, и онымъ повинуются людїе должествуютъ; кто же суть и коликіи имеютъ грѣхъ противляющїися имъ. Проповѣданное въ Царствующемъ Санктпетербургѣ Апрелья въ 6. День 1718 года [в:] Феофана Прокоповича, Архїепископа Великаго Новаграда и великихъ Лукъ, Святѣйшаго Правительствующаго Синода Вице-президента, а потомъ первенствующаго Члена слова и рѣчи поучительныя, похвальныя и поздравительныя собранныя и нѣкоторыя вторымъ тисненїемъ, а другїя вновь напечатанныя, часть I, Въ Санктпетербургѣ При Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ 1760 года, с. 251.*

33 *Ibidem.*

34 *Ibidem*, с. 264. Об этом же см. *idem*, *Слово о состоявшемся между Имперіею Россійскою и Короною Шведскою мире 1721 года, августа в 30 день, и должномъ нашемъ за толикую милость божию благодарении, проповѣданное Преосвященнымъ Феофаномъ, Архїепископомъ Псковскимъ и Нарвскимъ, в Царствующемъ Граде Москве, в Церкви Соборной Успения Пресвятыя Богородицы, 1722 года, генваря 28 [в:] idem, Сочинения, И.П. Ерѣмин (ред.), Москва–Ленинград 1961, с. 124–125.*

суть его чести, его участь, его судьба. Честь его – щедрость и фортуна создавать, улучшать, преумножать и укреплять государство.

Такая своеобразная традиционно-нетрадиционная трактовка монаршей чести повлекла за собой и соответствующую трактовку *общественного договора*. Рассуждения Ф. Прокоповича и В. Татищева наглядно подтверждают мифологический характер этой теории, когда логика демонстрирует свою парадоксальность возможностью делать прямо противоположные выводы из одних и тех же посылок. Поскольку сущностью общественного договора было проявление народной воли как основания рационального устройства политических и правовых отношений, «дружинники» закономерно делали вывод о добровольной и полной передаче различными народами своих прав и свобод монархам:

Въ Монархїи же наслѣдной была къ первому Монарху воля народная, аще не словомъ, но дѣломъ изъявленная. Согласно вси хощемъ, да ты къ общей нашей пользѣ, владѣши надъ нами вѣчно, то есть понеже смѣртен еси, то да по тебѣ, ты же самъ впредь да оставляеши намъ наслѣднаго владѣтеля: мы же единожды воли нашей совлекшеса, никогда же онои впредь, ниже по смерти твоей употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникомъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаниемъ одолжаемся, и наших по нас наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ³⁵.

Параллели этой же традиции в древней Руси отмечал и Татищев, апеллируя к «Повести временных лет»:

Въ льто 6370 (862). Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ

володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху ты варязи русь, яко се друзии зъвуться свие, друзии же урмане, ангъляне, друзии гѣте, тако и си. Рѣша русь, чюдъ, словѣни, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да пойдете княжитъ и володѣти нами». И избѣрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь...³⁶

Отсылкой к священным текстам и древнерусским полулегендарным летописям учёные дружинники пытались доказать извечность единоличной верховной власти, но и свободы к самоограничению: договор как процедура подтверждения взаимного соответствия прав в действительности является односторонним безвозмездным действием или, лучше сказать, *дарением*, вручением себя другому на основании доверия ему. Основания для такого вывода были:

...Если в России принцип общественного договора искусственно накладывается на *традиционный тип личности и религиозности*, то в концепции Прокоповича инструментом по-прежнему выступает не власть, а общество. Не власть является общественным инструментом, а общество является инструментом власти, с помощью которого она, эта власть, достигает своих целей. Это принципиальное отличие делает невозможным дальнейшее развитие теории общественных прав и её трансформацию в право общественного контроля за властью³⁷.

36 *Повесть временных лет*, стб. 19 [в:] *Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною Историко-Археологической Комиссиею Академии Наук СССР*, т. 1: *Лаврентьевская летопись*, вып. 1: *Повесть временных лет*, Ленинград 1926–1928, с. 14. Перевод по изданию: *Повесть временных лет*, подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева, под редакцией В.П. Адриановой-Перетц, Издание второе, исправленное и дополненное, Санкт-Петербург 1996, с. 13. См. также: В.Н. Татищев, *Собрание сочинений, тома II і III. История Россійская. Часть вторая*, т. 2: *История Россійская. Часть вторая (вторая редакция), главы 1–18*, С.Н. Валк, М.Н. Тихомиров (ред.), Москва 1995, с. 32.

37 А.Г. Глинчикова, *Метаморфоза западной идеи «естественного права» в политической концепции Феофана Прокоповича*, «Локус. Люди, Общество, Культуры, Смыслы», 7/3 (2016), с. 87.

38 В.Н. Татищев, *Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах...*, с. 83.

39 Ф. Прокопович, *Слово въ недѣлю цвѣтную о власти и чести царской...*, с. 252.

40 См. Ю.М. Лотман, *op.cit.*, с. 194.

С другой стороны, самовластие монарха и абсолютизация его функций смягчались его же личным примером. Это как будто должно было устранить противоречие между неограниченной личной свободой царя и обязанностью со стороны вверившегося ему народа трудиться и подчиняться. Царь, конечно, законодатель, но все его повеления проходят через личный опыт. Он знает, что делать, оттого самовластие оказывается допустимым и объективно обоснованным. Создаётся впечатление, что царь требует от народа лишь то, что хочет, может и должен делать сам: «И тако благоразумной от каждаго по способности пользу иметь и другим полезен быть может»³⁸. То есть, требует разумных, исторически обоснованных действий – вовлекает свой народ в строительство государства, а не просто угнетает поддёнщиной.

В этом и только в этом смысле возвышение самовластия возвышает честь царскую: сила и власть царю нужны не для утишения народа и устрашения соседей, а для процветания государства, расширения его строительства. И божественность царственности Петра многократно подчёркивалась не его тщеславия ради, а для укрепления народной веры в него и уважения у других правителей. Честь Петра – в служении государству, а служение – не только в умалении себя во славу чью-то, а и в *преумножении себя вложением собственных сил в строительство государства*: в этом смысле он и есть государство. Потому и вправе государь требовать того же от своих верных рабов – он им пример подаёт, а им «треба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть...»³⁹. Это означает, что противоречие между службой из чести и службой по повинности, заложенное в самом основании идеи служения⁴⁰, выступало фактором распространения просвещения в народе. И вот почему в дальнейшем концепт чести находил себя в соответствующих суждениях народной мудрости. Честь берегут смолоду, когда есть рвение, время

и силы служить Родине и понимать ценность этой службы. Честь никому не передаётся, потому что никто не возьмётся за другого исполнить долга перед Отечеством. Честь – основание преданности, потому что выражается в служении, труде и осознанном единстве, а не внешних пышных регалиях. И даже священство не превышает честию за царскую честь, «бо иное дѣло, иной чинъ есть въ народѣ, а не иное Государство»⁴¹.

Честь – не только воздаяние за заслуги, но и великое испытание, горнило. И повторяя, что царская власть от Бога, Ф. Прокопович настаивал прежде всего на том, что одарённые всем самую большую ношу несут, и с них Господь больше других спрашивает. И если кто из рядовых подданных чем жертвует ради государства, даже самым дорогим и незаменимым – та жертва только его будет; а государева жертва государством приносится и на всё будущее державы и каждого подданного влияет. Так, утрата подданным наследника тяжела для подданного; утрата государем наследника тяжела для государства, для будущего всех подданных Авраамова жертва, за которую монарх держит особый ответ перед Богом:

...К закону Божию так подлежить, что за преступление того Божию токмо, а не человѣческому суду повинна. И тако всякъ самодержавный Государь человѣческаго закона хранити не долженъ, колми же паче за преступление закона человѣческаго не судимъ есть. Заповѣди же Божія хранити долженъ, но за преступление их самому токмо Богу отвѣтъ дастъ, а от человѣк судим быти не можетъ⁴².

А посему по чести монарху самовластному назначать себе преемников не по традиции, а по свету собственного разума, ежели усматривает он, что

41 Ф. Прокопович, *Слово въ недѣлю цвѣтную о власти и чести царской...*, с. 257.

42 *Идет, Правда воли монаршей...*, с. 22.

наследник не готов нести бремя власти и чести царской. И об этом свидетельствуют многократные примеры из Священного писания, которые Феофан Прокопович обильно цитировал:

...Яснѣ сіе отъ писанія утвердится нижче, гдѣ будетъ рѣчь о образахъ: там бо довольно покажется, что Святїи Патрїахи, и Цари благочестивїи, не всегда смотрѣли на первородство сіновї своихъ, но и первенство иногда переносили на меньшихъ сыновъ, якоже Исаакъ перенесель первенство отъ Исава на Іакова, или на внучатъ своихъ... и прочїи наслѣдіе свое мимо болшихъ сыновъ малѣишимъ давали, якоже Давид. Отъ чего явно есть, что законъ оныи чрезъ Моисеа даннии Ісраилю, въ книгахъ числѣ, которыи наслѣдіе опредѣляетъ сыномъ, а у кого нѣтъ сыновъ, дочерямъ...⁴³

Как видим, «дружинный» характер просветительской деятельности продолжателей идей Петра во многом обуславливал отличные от западноевропейских манеры и способы трактовки основных мировоззренческих проблем. «Дружинность», по сути, означала сохранение в просвещенческих условиях традиционных мифологических черт общности русского мировоззрения, в связи с чем возможно было интерпретировать социальную зависимость и личную несвободу с позиции «общего блага» и «пользы Отечеству». Так, понимая Закон Божий как закон естественный, и значит, неотвратимый для человека, ибо Бог создал естество, учёные дружинники трактовали данную свыше самодержавную верховную власть как естественное выражение Закона Божьего. Отсюда парадоксальным образом следовало, что политика также представлялась делом естественным как активное участие

в делах становления государства. А потому ею могут и должны заниматься все, кто сознательно, трудами своими старается выразить преданность верховной власти. Иными словами, политика не представлялась «дружинникам» искусством или профессией, а в целом выступала как «мудрость гражданская» разуметь, «что право и что неправо... что полезно или вредно быть может»⁴⁴, а следовательно, способствует счастью соотечественников и человеческому счастью в целом⁴⁵. Так чрезмерная идеологизация и ранжирование повседневности придавали весомости и значимости плодам индивидуальной деятельности, побуждая «верных рабов» усердно и искренне стараться славы Отечества ради.

44 В.Н. Татищев, *Разговор дву приятелей...*, с. 119.

45 См. O. de Guasco, *Vie du Prince Antiochus Cantemir* [в:] *Satyres de monsieur le Prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie*, traduit par de O. Guasco, a Londres 1749, с. 35–36.

BIBLIOGRAFIYA

I. ISTOCHNIKI

- Horatius Flaccus, Q., *Epistles*, I: III, 6–8, <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/searchresults?q=Horace&target=en&collections=Perseus%3Acollection%3AGreco-Roman> [dostup: 8.02.2022].
- Guasco de O., *Vie du Prince Antiochus Cantemir* [v.: *Satyres de monsieur le Prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie*, traduit par de O. Guasco, Londres 1749, c. 15–142.
- Kant I., *Beantwortung der Frage. Was ist Aufklärung?* 1784, 5 [v.: *Kant's Gesammelte Schriften*, t. 8: *Abhandlungen nach 1781*, Berlin 1923, c. 33–41.
- Kant I., *Der Streit der Fakultäten* 1798 [v.: *Kant's Gesammelte Schriften*, t. 7: *Der Streit der Fakultäten. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht*, Berlin 1917, c. 1–76.
- Teutscher und Reussischer, Dictionarium. Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch*, Berlin 1984.
- Akt podneseniya Gosudaryu Tsaryu Petru I titula Imperatora Vserossiyskogo i naimenovaniya: Velikago i Ottsa Otechestva*, 22 X 1721 (no 3840) [v.: *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda*, t. 6: 1720–1722, Sankt-Peterburg 1830, c. 444–446.
- General'nyy reglament ili Ustav Kollegiy*, 28 II 1720 (no 3534) [v.: *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda*, t. 6: 1720–1722, Sankt-Peterburg 1830, c. 141–160.
- Goratsiy Kvint Flakk, *Poslaniya*, I, 3, per. s lat. N. S. Gintsburga [v.: *Goratsiy Kvint Flakk, Polnoye sobraniye sochineniy*, Moskva 1936, c. 291.
- Kantemir A., *Perevody. Goratsiy* [v.: *Sochineniya, pis'ma i izbrannyye perevody Knyazya Antiokha Dmitrievicha Kantemira*, t. 1: *Satiry, melkiya stikhotvoreniya i perevody v stikhakh*, P.A. Yefremova (ред.), Sankt-Peterburg 1867, c. 415–419.
- Kantemir A., *Satira V. Satir i Perierg (Na chelovcheskiya zlonravniya vobshche)*, 568–569 [v.: *Sochineniya, pis'ma i izbrannyye perevody Knyazya Antiokha Dmitrievicha Kantemira*, t. 1: *Satiry, melkiya stikhotvoreniya i perevody v stikhakh*, P.A. Yefremova (ред.), Sankt-Peterburg 1867, c. 99–127.
- O Imperatorskom Tituln v gramotakh, ukazakh, prosheniyyakh i prigovorakh*, 11 XI 1721 (no 3850) [v.: *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda*, t. 6: 1720–1722, Sankt-Peterburg 1830, c. 453–454.
- Povest' vremennykh let* [v.: *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, izdavayemoye Postoyannoyu Istoriko-Arkheograficheskoy Komissiyeyu Akademii Nauk SSSR*, t. 1: *Lavrent'yevskaya letopis'*, vyp. 1: *Povest' vremennykh let*; vyp. 2: *Suzdal'skaya letopis'*, vyp. 3: *Prilozheniya*, Izdaniye vtoroye, Leningrad 1926–1928.

Povest' vremennykh let, D.S. Likhacheva (podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii), V.P. Adrianovoy-Peretts (red.), Izdaniye vtoroye, ispravlennoye i dopolnennoye, Sankt-Peterburg 1996.

Prokopovich F., *Pravda voli monarshey vo oprednlenii naslednika derzhavy svozey. Ustavom derzhavneyshago Gosudarya nashego Petra Velikago ottsa otechestva Imperatora i Samoderzhitsa Vserossiyskogo i prochaya, i prochaya, i prochaya. Segó 1722 godu, fevralya v 11 den', publikovannym utverdzhena i vsenarodnoyu prislyagoyu svidetelstvovana*, [Moskva 1726].

Prokopovich F., *Slovo v Den' Rozhdestva Gospoda nashogo Íisusa Khrísta [v:] Æofana Prokopovicha, Arkhiépiskopa Velikago Novagrada i velikikh Luk, Svyateyshago Pravitel'stvuyushchago Sinoda Vitseprezidenta, a potom pervenstvuyushchago Chlena slova i rechi pouchitel'nyya, pokhval'nyya i pozdravitel'nyya sobrannyya i nekotoryyya vtorym tisneníem, a drugiyya vnov' napechatannyya, chast' I*, V Sanktpeterburge Pri Sukhoputnom Shlyakhethnom Kadetskom Korpuse 1760 goda, c. 121–141.

Prokopovich F., *Slovo v nedelyu tsvetnuyu o vlasti i chesti tsarskoy, yako ot samago Boga v mí're uchinena yest', i kako pochitati Tsarey, i onym povinovatisya lyudí'e dolzhenstvuyut; kto zhe sut' i kolikí'y imeyut grekh protivlyayushchí'isya im. Propovedannoye v Tsarstvuyushchem Sanktpiterburgn Aprelya v 6. Den' 1718 goda [v:] Æofana Prokopovicha, Arkhiépiskopa Velikago Novagrada i velikikh Luk, Svyateyshago Pravitel'stvuyushchago Sinoda Vitseprezidenta, a potom pervenstvuyushchago Chlena slova i rechi pouchitel'nyya, pokhval'nyya i pozdravitel'nyya sobrannyya i nekotoryyya vtorym tisneníem, a drugiyya vnov' napechatannyya, chast' I*, V Sanktpeterburge Pri Sukhoputnom Shlyakhethnom Kadetskom Korpuse 1760 goda, c. 237–268.

Prokopovich F., *Slovo o sostoyavshemsya mezhdú Imperiyeyu Rossiyskoyu i Koronoyu Shvedskoyu mire 1721 goda, avgusta v 30 den', i dolzhnom nashem za tolikuyu milost' bozhíyyu blagodarenii, propovedannoye Preosvyashchennym Feofanom, Arkhiyepiskopom Pskovskim i Narvskim, v Tsarstvuyushchem Grade Moskve, v Tserkvi Sobornoy Uspeniya Presvyatyya Bogoroditsy, 1722 goda, genvaryá 28 [v:] idem, Sochineniya, I.P. Yeromin (red.), Moskva–Leningrad 1961, c. 112–126.*

Prokopovich F., *Feofan Arkhiyepiskop Novgorodskiy avtoru satiry [v:] idem Sochineniya, I.P. Yeromin (red.), Moskva–Leningrad 1961, c. 216–217.*

Rech' Petra I, napisannaya im samim i proiznesonnaya v sobore Presvyatyya Troitsy v Peterburge posle prochteniyya traktata o zaklyuchenii mira so Shvetsiyey, 22 oktyabrya 1721 goda [v:] N.A. Voskresenskiy,

- Zakonodatel'nyye akty Petra I. Redaktsii i proyekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannyye istochniki*, t. 1: *Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniyakh*, Moskva–Leningrad 1945, c. 156.
- Tatishchev V.N., *Dukhovnaya* [v:] *idem, Sobraniye sochineniy, toma VII i VIII. Istoriya Rossiyskaya. Okonchaniye. Raboty raznykh let*, t. 8, V.I. Buganov, S.N. Valk, N.Ye. Nosov, A.I. Yukhm (red.), Moskva 1996, c. 133–145.
- Tatishchev V.N., *Proizvol'noye i soglasnoye razsuzhdeniye i mneniye sobravshegosya shlyakhetstva ruskogo o pravlenii gosudarstvennom* [v:] *idem, Sobraniye sochineniy, toma VII i VIII. Istoriya Rossiyskaya. Okonchaniye. Raboty raznykh let*, t. 8, V.I. Buganov, S.N. Valk, N.Ye. Nosov, A.I. Yukhm (red.), Moskva 1996, c. 146–152.
- Tatishchev V.N., *Razgovor dvu priyateley o pol'ze nauki i uchilishchakh* [v:] *idem, Sobraniye sochineniy, toma VII i VIII. Istoriya Rossiyskaya. Okonchaniye. Raboty raznykh let*, t. 8, V.I. Buganov, S.N. Valk, N.Ye. Nosov, A.I. Yukhm (red.), Moskva 1996, c. 51–132.
- Tatishchev V.N., *Sobraniye sochineniy, toma II i III. Istoriya Rossiyskaya. Chast' vtoraya*, t. 2: *Istoriya Rossiyskaya. Chast' vtoraya (vtoraya redaktsiya), glavy 1–18*, S.N. Valk, M.N. Tikhomirov (red.), Moskva 1995, c. 25–274.
- Tatsit Publiy Korneliy, *O proiskhozhdenii germantsev i mestopolozhenii Germanii*, 14, per. s lat. A. S. Bobovicha [v:] *Tatsit Publiy Korneliy, Sochineniya v dvukh tomakh*, t. 1: *Annaly. Malyye proizvedeniya*, Sankt-Peterburg 1993, c. 337–356.
- Ustav Voinskiy, 30 III 1716 (no 3006)* [v:] *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda*, t. 5: 1713–1719, Sankt-Peterburg 1830, c. 203–453.

II. LITERATURA

- Glinchikova A.G., *Metamorfoza zapadnoy idei «yestestvennogo prava» v politicheskoy kontseptsii Feofana Prokopovicha*, «Lokus. Lyudi, Obshchestvo, Kul'tury, Smysly», 7/3 (2016), c. 78–92.
- Grot YA. K., *Potr Velikiy kak prosvetitel' Rossii* [v:] *Trudy YA. K. Grota*, t. 4: *Iz russkoy istorii. Issledovaniya, ocherki, kriticheskiye zametki i materialy (1845–1890)*, Sankt-Peterburg 1901, c. 82–121.
- Dreger L., *Druzhina* [v:] *Sotsial'no-ekonomicheskkiye otnosheniya i sotsionormativnaya kul'tura*, A.I. Pershits, D. Trayde (red.), Moskva 1986, c. 52–53.
- Yepifanov P.P., «*Uchonaya druzhina*» i prosvetitel'stvo XVIII veka, «*Vo-prosy Istorii*», 38/3 (1963), c. 37–53.
- Kolesov V.V., *Drevnyaya Rus'. Naslediye v slove. Mir cheloveka*, Sankt-Peterburg 2000.

- Lotman YU. M., *Ocherki po istorii russkoy kul'tury XVIII – nachala XIX veka* [v:] *Iz istorii russkoy kul'tury*, t. 4: XVIII – nachalo XIX veka, A.D. Koshelev (ped.), Moskva 2000, c. 11–346.
- Marasinova Ye.N., *K istorii politicheskogo yazyka v Rossii XVIII veka*, «Otechestvennaya Istoriya», 49/5 (2005), c. 3–16.
- Nikolayev S.I., *K predystorii Goratsiya v Rossii* [v:] *Reflection on Russia in the Eighteenth Century*, J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje (ped.), Köln–Weimar–Wien 2001, c. 303–314.
- Pavlov-Sil'vanskiy N.P., *Feodalizm v Rossii*, Moskva 1988.
- Fasmer M., *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka, v 4 tomakh*, t. 4, O.N. Trubacheva (per. s nem. i dop.), Moskva 1987.
- Khlevov A.A., *Druzhina Severa kak istoricheskij fenomen* [v:] *Skandinavskiye chteniya 1998 goda. Etnograficheskiye i kul'turno-istoricheskiye aspekty*, A. Myl'nikov (ped.), Sankt-Peterburg 1999, c. 49–57.
- Chernykh P.YA., *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka, v 2-kh tomakh*, t. 2, Moskva 1999.
- Chernyshova A.V., *Fenomen «Uchonoy Druzhiny». Mif ili real'nost'?*, «Manuskript», 10/12 (86) (2017), № 3, c. 209–211.
-

